

2005 № 305

СОДЕРЖАНИЕ

- 1051-1066 Явление гнездового консерватизма у воробьиных птиц. А. С. МАЛЬЧЕВСКИЙ
- 1067-1069 Серая цапля *Ardea cinerea* на Среднем Урале. В. Н. РЫЖАНОВСКИЙ, Г. А. КРЮЧКОВ
- 1070 О гнездовании чомги *Podiceps cristatus* в Архангельской области. Т. В. ПЛЕШАК
- 1071-1073 Гнездование среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius*, черношейной поганки *Podiceps nigricollis* и встречи других редких птиц в Псковской области. Я. КОНТИОКОРПИ, М. ЛЭТЬЕНЕН
- 1073 Гнездовая колония серой цапли *Ardea cinerea* на юге Свердловской области. Н. А. НЕФЕДОВ
- 1074-1079 Сизый голубь *Columba livia* и другие голубиные в Архангельске и его пригородной зоне. В. А. АНДРЕЕВ
- 1080-1081 Пчёлы в весеннем питании большой синицы *Parus major* на алтайских пасеках. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
- 1081-1082 Гнездование певчего дрозда *Turdus philomelos* на Восточном Мурмане. М. В. МЕЛЬНИКОВ, А. В. ОСАДЧИЙ
- 1083 Гнездование урагуса *Uragus sibiricus* в окрестностях Ирбита. Г. Н. БАЧУРИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

CONTENTS

- 1051-1066 Birthplace and breeding site fidelity in passerine birds.
A. S. MALCHEVSKY
- 1067-1069 The grey heron *Ardea cinerea* in the Middle Ural region.
V. N. RYZHANOVSKY, G. A. KRYUCHKOV
- 1070 On breeding of the great crested grebe *Podiceps cristatus*
in Archangelsk Region. T. V. PLESHAK
- 1071-1073 Nestings of Middle-spotted Woodpecker *Dendrocopos*
medius and Black-necked Grebe *Podiceps nigricollis*
in Pskov Oblast, with mention of other rare bird records.
J. KONTIOKORPI, M. LÖTJÖNEN
- 1073 Breeding colony of the grey heron *Ardea cinerea* in the
south of the Sverdlovsk Region. N. A. NEFEDOV
- 1074-1079 The rock pigeon *Columba livia* and other related species
of in Archangelsk city and suburb. V. A. ANDREEV
- 1080-1081 Bees in spring diet of the great tit *Parus major* in Altai
apiaries. N. N. BEREZOVIKOV
- 1081-1082 The song thrush *Turdus philomelos* nest on Eastern
Murman. M. V. MEL'NIKOV, A. V. OSADCHY
- 1083 Breeding of the long-tailed rosefinch *Uragus sibiricus*
near Irbit. G. N. BACHURIN
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S. Petersburg University
S. Petersburg 199034 Russia

Явление гнездового консерватизма у воробьиных птиц

А.С.Мальчевский

Второе издание. Первая публикация в 1957*

Вопрос о так называемом «гнездовом консерватизме» птиц – один из наиболее животрепещущих вопросов современной орнитологии. От правильного его решения зависит правильность наших представлений о природе популяций птиц. Различия в понимании данного явления по существу приводят к различиям во взглядах на ход эволюционного процесса у птиц.

Существующие в литературе высказывания по вопросу о гнездовом консерватизме птиц противоречивы. В большинстве случаев мнения исследователей сводятся к признанию существования у птиц строгой привязанности к местам своего рождения и старым местам гнездования. Краткая история развития данной точки зрения такова.

В начале XX века Луканус (Lucanus 1907), на основании существования у певчих птиц местных узко локализованных напевов, пришёл к заключению о необходимости признания явления регулярного возврата дикой перелётной птицы на «родину». После того, как предположение Лукануса подтвердилось большим количеством фактов, полученных путём кольцевания, регулярное возвращение птиц на старые места гнездования стало считаться правилом.

В дальнейшем, на основании изучения биологии отдельных видов, многие орнитологи пришли к заключению, что не только старые птицы из года в год сохраняют за собой раз уже занятый ими гнездовой участок, но и молодые птицы-первогодки гнездятся преимущественно в непосредственной близости от того места, где они вывелись. Одним словом, было признано, что правило регулярного возврата на родину в одинаковой мере применимо к старым и молодым птицам. Имеющиеся в литературе указания на нахождение закольцованных птиц, гнездящихся вдали от мест их рождения, стали расценивать как исключение из правила гнездового консерватизма, и особей, не возвратившихся на родину, признано было в основном считать погибшими. По невозвращению птиц стали судить о возрастном составе популяции и проценте смертности молодняка. При этом «родину» понимали достаточно узко, как территорию лесного массива, лесопарка, долины и т.п., т.е. такие

---

* Мальчевский А.С. 1957. Явление гнездового консерватизма у воробьиных птиц // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 58-70.

участки местности, на которых исследователь мог рассчитывать на более или менее достоверный учёт случаев возвращения окольцованных птиц. Таким образом возникли сильно укоренившиеся среди орнитологов представления о чрезвычайно высоком проценте гибели птиц на первом году их жизни. «Нельзя забывать,— пишут Исаков, Поливанов и Титаева (1953, с. 24),— что в естественных условиях он [отход молодых на первом году их жизни — А.М.] достигает 90-95%». Поэтому, по мнению сторонников теории гнездового консерватизма, нет ничего удивительного, что процент возврата птиц, окольцованных в гнёздах птенцами, во всех случаях массового кольцевания получается очень низким.

Биологический смысл маленьких местных «микрораспространений», по мнению некоторых орнитологов, заключается в том, что такие популяции лучше приспособлены к конкретным местным условиям существования, ибо рефлекс и навыки, облегчающие птицам существование в определённой экологической обстановке, легче всего создаются на первом году их жизни (Исаков 1954). По мнению Исакова, местная популяция из года в год населяет определённую территорию и пополняется главным образом за счёт своих потомков. Таким образом, в понятие «элементарной» или «микрораспространения» вкладывается генетический смысл. На такой же точке зрения по существу стоит и Майр (1947, с. 101), считающий, что образование местных узколокализованных «диалектов» у птиц должно означать возможность изоляции и образования генетических рас, поскольку птенец (приводится пример с зябликом *Fringilla coelebs*) всегда возвращается в ту местность, где он родился. Таковы взгляды сторонников точки зрения, признающей существование у птиц строгой привязанности к местам своего рождения.

С другой стороны, орнитологическая наука накопила уже немало наблюдений, указывающих на существование у птиц явления расселения и постоянного и широкого генетического обмена между группами особей, населяющих соседние районы. Эти наблюдения, заставляющие с осторожностью относиться к только что изложенной точке зрения, можно, как нам кажется, систематизировать следующим образом:

а) *Наблюдения, отмечающие сравнительно быстрое расширение ареалов некоторыми видами птиц.* Среди певчих птиц нашей фауны отмечено расширение ареалов, например, у зелёной пеночки *Phylloscopus trochiloides*, дубровника *Emberiza aureola*, домашнего воробья *Passer domesticus*, горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros*, жёлчной овсянки *Emberiza bruniceps*, черноголовой овсянки *Emberiza melanocephala*, синехвостки *Tarsiger cyanurus*, канареечного вьюрка *Serinus serinus*, майны *Acridotheres tristis*, дрозда-рябинника *Turdus pilaris* и у некоторых других видов.

Надо сказать, что сами по себе факты исторического расселения видов в целом не противоречат концепции гнездового консерватизма

даже в узком смысле этого слова. Сторонники данной точки зрения признают расселение видов и по-разному его объясняют. Приводимые объяснения применимы, однако, далеко не ко всем случаям. Так, например, причину расселения видов иногда видят в переуплотнении населения вида внутри ареала, главным образом на его границах. На это можно ответить, что история орнитологии знает примеры, когда расселение шло при чрезвычайно низкой плотности населения расселяющегося вида (расселение зелёной пеночки, дубровника, синехвостки в пределах Восточной Европы). Речь, однако, здесь должна идти о фактах быстрого расселения, каковое, например, имело место у домашнего воробья (Судиловская 1952) или майны (Рустамов 1946; Дементьев 1953), а также у зелёной пеночки и у некоторых других птиц. Вряд ли виды «строго консервативные» могут быстро изменять границу своего ареала. Нельзя не согласиться со справедливым высказыванием Станчинского (1927) и Гладкова (1949), а также Дементьева и Спангенберга (1949) относительно того, что несмотря на имеющиеся сезонные перемещения птиц, их способность ориентироваться в пространстве обуславливает то, что в природе имеет место известное постоянство географического размещения птиц, приводящее к образованию у них географических форм. Несомненно, что оставшиеся в живых как старые, так и молодые птицы, гнездившиеся или появившиеся на свет, например, в Ленинградской области, на следующий год в преобладающем большинстве своём снова возвратятся в эту же область для размножения. Из этого, однако, не следует, что мы должны соглашаться с теорией «микрораспространения», трактующей мелкие, локальные популяции как генетически обособленную группу особей.

Известное постоянство ареалов или чрезвычайная медленность завоевания большинством видов новых для них территорий не должно обязательно говорить о строгой консервативности мест гнездования у птиц. Прежде всего, разные виды птиц могут сильно отличаться друг от друга по степени своей «консервативности». На это указывает хотя бы то, что границы ареалов изменяются у птиц с разной скоростью. Говорить о гнездовом консерватизме птиц вообще, как это часто делается, нельзя. В то же время необходимо различать консерватизм вида и консерватизм особей. Одно дело, когда мы говорим об относительном постоянстве ареала вида, другое дело, когда приходится говорить о степени консерватизма особей. Несомненно, что одно связано с другим и одно из другого вытекает, но несомненно и то, что ареал вида всегда более постоянен, чем места обитания особей. Доказательством данного положения служат следующие наблюдения.

б) *Наблюдения, отмечающие изменения птичьего населения, происходящие в пределах ареала вида.* Сюда прежде всего можно отнести многочисленные работы, констатирующие сравнительно быстрое за-

селение птицами полезащитных лесных полос, водоёмов и других биотопов, пригодных для гнездования птиц, возникающих в связи с хозяйственной деятельностью человека. Изменения в составе орнитофауны юго-востока европейской части СССР, отмечаемые Дубининым (1953), скорее всего следует отнести к данной группе фактов, а не к предыдущей, как полагает сам автор, ибо в большинстве случаев имеют место всё-таки изменения, происшедшие внутри прежних ареалов видов, упоминаемых Дубининым. Тем не менее нельзя не согласиться с Дубининым (1955) в том, что для объяснения сравнительно быстрых изменений орнитофауны, происходящих, например, под влиянием полезащитного лесоразведения, недостаточно говорить только лишь об одном гнездовом консерватизме. Наряду с консерватизмом у птиц существует известная склонность к «дисперсии» мест гнездования.

в) *Наблюдения, отмечающие быстрое увеличение численности птиц в связи с развеской в лесу искусственных гнездовий.* Сюда следует отнести серию работ, посвящённых успешным опытам привлечения дуплогнездников в искусственные гнездовья. Эти опыты показывают, что при условии, когда данное место является вообще благоприятным для жизни птиц, численность многих видов дуплогнездников может быть значительно увеличена через год-два после проведения мероприятий по привлечению, причём сразу на большой территории. Особенно это характерно для чистых сосновых насаждений, вообще бедных птичьим населением в гнездовое время. Столь быстрая реакция целого ряда видов птиц (мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca*, большая синица *Parus major*, обыкновенный скворец *Sturnus vulgaris*, полевой воробей *Passer montanus*, обыкновенная горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* и даже гоголь *Vesperphala clangula*) на вывешивание искусственных гнездовий не говорит за существование очень строгого гнездового консерватизма всех особей. Считать же, что увеличение численности птиц при вывешивании искусственных гнездовий происходит в основном за счёт молодняка данного же «микрорайона», вряд ли будет правильным. Во всяком случае, работы орнитологов по мухоловке-пеструшке (Haartman 1949; Creutz 1955; Михельсон, Чаун 1954), а также результаты кольцевания птенцов ряда видов птиц на территории Савальского лесхоза (табл. 1) не подтверждают этого. Кроме того, тот, кто признаёт такую возможность, должен, следовательно, признать рассредоточение молодняка в тех случаях, когда привлечение не проводится.

Существует, правда, мнение (Лихачёв 1955), объясняющее чрезвычайно низкий процент гнездования первогодков пеструшки в местах своего рождения тем, что основная масса птиц этого вида в природных условиях из-за нехватки мест гнездовий не гнездится в конце первого года жизни, а включается в размножение лишь в последующие годы

по мере освобождения дупел или искусственных гнездовых в результате естественной смертности старых птиц. Не отрицая возможности негнездования части молодых особей в конце их первого года жизни у мухоловки-пеструшки, мы, тем не менее, считаем, что одним этим явлением нельзя объяснить отмечаемый обычно чрезвычайно низкий процент возвращения птиц на места своего рождения. Дело в том, что количество возвратившихся молодых птиц, как правило, не превышало 5%, а чаще бывало ниже, даже в том случае, когда исследователи регистрировали всех возвратившихся на места своего рождения птиц в течение ряда лет подряд.

г) *Наблюдения, отмечающие значительные изменения численности или нерегулярность гнездования некоторых птиц на определённом участке местности.* В этом отношении могут представлять интерес работы, освещающие изменение фауны какой-либо определённой территории на протяжении более или менее длительного отрезка времени. Для проведения такого рода исследования наиболее удобными следует признать некоторые городские и пригородные парки, территории которых достаточно велики для заселения разнообразной орнитофауной и достаточно ограничены и изолированы для того, чтобы там можно было проводить регулярные учёты всего птичьего населения. Для этой цели автором настоящей статьи был выбран парк Лесотехнической академии им. С.М.Кирова (г. Ленинград), территория которого была местом систематических наблюдений Кайгородова (1886, 1898, 1908) и впоследствии (1936-1937 гг.) Строкова (1938). Наблюдения автора проводились здесь в послевоенные годы с 1947 по 1955. Таким образом представилась возможность провести сравнение видового состава и количества населявших этот парк птиц на протяжении довольно значительного отрезка времени (с 1880 по 1955 г.). Результаты этого сравнения были в основном уже опубликованы (Мальчевский 1954).

Здесь отметим лишь, что качественные и количественные изменения орнитофауны, наблюдавшиеся на территории парка Лесотехнической академии им. С.М.Кирова в конце XIX и начале XX столетий во многих случаях происходили вследствие перемещения птичьего населения: птицы либо покидали парк и начинали гнездиться в других местах, либо наоборот, внезапно заселяли территорию парка, прилетая, очевидно, из соседних районов. Особенно нерегулярно гнездились в парке зеленушка *Chloris chloris*, щегол *Carduelis carduelis*, чиж *Spinus spinus*, крапивник *Troglodytes troglodytes*, скворец и дрозд-рябинник. На протяжении рассматриваемого периода эти птицы несколько раз исчезали из парка и затем появлялись вновь. Нерегулярность гнездования отмечалась также у дрозда-белобровика *Turdus iliacus*. Так, например, Кайгородов (1909) отмечает, что гнездящиеся дрозды-белобровики впервые появились в парке в 1901 г. и после этого уже

стали гнездиться здесь каждый год. Численность данного вида особенно резко возросла в 1903 г. Как сообщает Д.Н.Кайгородов, это произошло за счёт вселения в окрестности Ленинграда каких-то стай белобровиков, залетевших из другой местности, о чём можно было судить по особой вариации их напева, ранее здесь не отмечавшейся.

Внезапное население окрестностей Смоленска большим количеством белобровиков в 1910 г. отмечает также Гржибовский (1911). До этого года автор в течение многих лет подряд не находил гнёзд этого дрозда под Смоленском. В упомянутый же год он был поражён количеством гнездящихся белобровиков, превосходивших по численности всех других дроздов.

Нерегулярность летнего пребывания наблюдается также у другого вида дрозда – дерябы *Turdus viscivorus*. Например, в районе станции Кузнечное (Приозёрский р-н Ленинградской обл.) в период с 1947 по 1956 гг. дрозд-деряба гнезвился только в 1956 г., когда этот вид появился здесь как-то внезапно и сразу в большом количестве.

Приведённые выше примеры позволяют говорить о том, что в природе иногда происходят заметные перемещения птичьего населения. Очевидно, что помимо клестов *Loxia* spp., свиристелей *Bombycilla garrulus* и розовых скворцов *Pastor roseus*, известных непостоянством мест своего гнездования среди европейской фауны птиц, существуют и другие виды, места гнездования которых могут изменяться из года в год или через ряд лет, в зависимости от степени обилия их основных кормов или от каких-либо других причин. Из певчих птиц к таковым, по нашему мнению, могут быть отнесены многие представители семейства вьюрковых (зеленушка, щегол, коноплянка *Cannabina cannabina*, чиж), дрозды (деряба, рябинник, отчасти белобровик), крапивник, обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe* и некоторые другие.

д) Данные, указывающие на существование у птиц значительного «веера разлёта» молодых птиц-первогодков и известного рассеивания старых птиц. Выше уже говорилось о том, что во всех случаях, когда производилось массовое кольцевание гнездовых птенцов певчих птиц, процент их возврата на места их рождения оказывался чрезвычайно низким. Различные исследователи по-разному расценивают эти результаты кольцевания. Некоторые, как это уже говорилось, низкий процент возврата молодых объясняют, в основном, их колоссальной смертностью. Другие исследователи, помимо высокой смертности молодых, большое значение придают также существующей в природе закономерности расселения молодых птиц. Так, например, Промптов и Лукина (1937), производившие многолетнее кольцевание больших синиц (птенцов и взрослых), отметили исчезновение молодых птиц из того района, где они появились на свет, и предположили о существовании у этого вида значительного «разлёта» молодняка. Эти же авторы

в своей работе ссылаются также на данные Шенка (Schenk – *Aquila*, vol. 22, p. 323), окольцевавшего 100 птенцов большой синицы, из которых ни один не был впоследствии обнаружен в этом же районе. Это не означает, конечно, что молодые синицы никогда не возвращаются на места своего рождения. Из окольцованных в 1951-1953 гг. 273 птенцов большой синицы на территории Савальского лесхоза, в последующие годы один (♂ № 220133) всё же был обнаружен гнездившимся поблизости от места своего рождения. Вряд ли, однако, местная популяция больших синиц могла бы существовать долгое время, если бы она пополнялась столь ничтожным количеством молодых птиц. Из существующих в литературе данных по кольцеванию птенцов этого вида нам известна только лишь одна работа (Шапошников 1949), отмечающая более значительную оседлость молодых птиц: из 11 окольцованных птенцов 2 продолжали держаться в районе кольцевания не только осенью и зимой, но и весной, летом и осенью следующего года. Возможно, что в данном случае более значительная оседлость молодых птиц была вызвана подкормкой их в осенне-зимнее время (птицы отлавливались на кормушках).

Результаты кольцевания скворцов в Литве (Иванаускас 1953) тоже показали, что в противоположность старым скворцам, молодые птицы обычно не возвращаются на место своего рождения, а гнездятся в других колониях. Это же оказалось характерным и для такого оседлого вида, как домовый воробей (Summers-Smith 1954).

Весьма обстоятельная работа по кольцеванию мухоловок-пеструшек была проделана в Финляндии Хаартманом (Haartman 1949). В течение 8 лет подряд автор кольцевал старых и молодых птиц цветными кольцами, что значительно облегчало наблюдение за расселением птиц. Исследование Хаартмана показало, что очень многие птицы-первогодки оседают в смежных и более отдалённых районах. В то же время вновь появившиеся на участке, на котором работал Хаартман, некольцованные пеструшки были в основном однолетками, прилетевшими из других мест. Процент возврата старых птиц был значительно выше, но самки возвращались реже, чем самцы, примерно в 3 раза. Невозвращение самок часто имело место после потери кладки или выводка в течение предшествующего сезона.

Закономерное возвращение старых птиц и значительное рассеивание молодёжи, подмеченные у большой синицы, скворца и мухоловки-пеструшки, свойственны, вероятно, очень многим нашим лесным певчим птицам.

На территории Савальского лесхоза в 1951-1953 гг. автор настоящей работы совместно с Н.П.Кадочниковым и группой студентов Ленинградского университета проводил кольцевание птенцов певчих птиц. Взрослые птицы кольцевались лишь при случае. Всего было за-

кольцовано 8 взрослых птиц (5 горихвосток и 3 больших синицы), пойманных на гнёздах, и 1229 гнездовых птенцов и птенцов-слётков 29 различных видов певчих птиц (табл. 1). Старые птицы кольцевались двумя кольцами в различной их комбинации для того, чтобы каждую из них можно было бы узнать и отличить от птиц, окольцованных в птенцовом возрасте. Молодые кольцевались одним кольцом. В течение трёх последующих лет после первого года кольцевания, с 1952 по 1954 г., все птицы, гнёзда которых мы находили, а также и другие встречавшиеся взрослые птицы внимательно обследовались в бинокль с целью обнаружения у них кольца. Всего было просмотрено 1588 птиц, и только у 9 на лапках были обнаружены кольца! Почти все они были отловлены в западню и вновь выпущены. Весьма примечательно, что из этих 9 окольцованных нами в прежние годы птиц 4 оказались птицами, которых мы кольцевали взрослыми. Таким образом, половина окольцованных нами взрослых птиц возвратилась на старые места гнездования. В то же время из 1229 птиц, помеченных в птенцовом возрасте, в последующие годы нам удалось обнаружить всего лишь 5 особей. Отметим попутно, что из 5 горихвосток, окольцованных автором настоящей статьи взрослыми, гнездившимися в Савальском лесу в 1953 г., три птицы (два самца и одна самка) были обнаружены на следующий год на том же участке леса, на расстоянии 200-500 м от места их прошлогоднего гнездования. По сообщению Н.П.Кадочникова, продолжившего наши наблюдения в 1954-1956 гг., эти горихвостки по возвращении на «родину» гнездились уже в новом составе пар. Из них две птицы – ♂ с двумя кольцами (№ 224460 на левой ноге и № 224461 на правой) и ♀ (№ 224462 на правой и № 224463 на левой), составлявшие в 1953 г. «брачную» пару, возвращались на старое место гнездования (один и тот же лесной квартал) вплоть до 1956 г., т.е. гнездились здесь 4 года подряд. Спаривались они, однако, уже с какими-то другими птицами.

Кольцевание птенцов и просмотр птиц в последующие годы в основном проводились в центральных кварталах лесхоза на площади, равной примерно 500 га – там, где начиная с 1952 г. сотрудником ВИЗР Н.П.Кадочниковым проводилось массовое развешивание искусственных гнездовий и где отчасти по этой причине и отчасти в силу наибольшего разнообразия биотопов (старых дубрав, искусственных прудов и т.п.) гнездилось наибольшее количество птиц. Можно определённо сказать, что преобладающее большинство птиц-дуплогнездников Савальского лесхоза, представляющего совершенно изолированный лесной массив площадью 2500 га, было сосредоточено именно на данном участке. За его пределами гнездились лишь единичные пары скворцов, больших синиц, горихвосток и мухоловок-белошеек.

Таблица 1. Результаты кольцевания певчих птиц в Савальском лесхозе (Балашовская обл.), проводившегося в 1951-1953 гг.

Вид	Окольцовано в 1951-1953 гг.		Количество обследованных птиц из числа гнездившихся в 1952-1954 гг.	Обнаружено гнездящимися на следующий год из окольцованных	
	Ad	Pull		Ad	Pull
<i>Pica pica</i>	—	18	50	—	—
<i>Garrulus glandarius</i>	—	47	31	—	1*
<i>Sturnus vulgaris</i>	—	88	176	—	—
<i>Oriolus oriolus</i>	—	6	32	—	—
<i>C. coccothraustes</i>	—	20	6	—	—
<i>Chloris chloris</i>	—	23	47	—	—
<i>Fringilla coelebs</i>	—	28	75	—	—
<i>Emberiza citrinella</i>	—	28	58	—	—
<i>Emberiza hortulana</i>	—	36	54	—	—
<i>Anthus trivialis</i>	—	87	102	—	—
<i>Parus caeruleus</i>	—	31	24	—	—
<i>Parus major</i>	3	273	190	1	1
<i>Lanius collurio</i>	—	49	88	—	—
<i>Muscicapa striata</i>	—	63	88	—	—
<i>Ficedula albicollis</i>	—	16	42	—	—
<i>Phylloscopus sibilatrix</i>	—	75	47	—	1
<i>Phylloscopus collybita</i>	—	4	6	—	—
<i>Hippolais icterina</i>	—	13	10	—	—
<i>Sylvia nisoria</i>	—	3	2	—	—
<i>Sylvia curruca</i>	—	9	20	—	—
<i>Sylvia atricapilla</i>	—	7	36	—	—
<i>Sylvia borin</i>	—	24	80	—	—
<i>Turdus viscivorus</i>	—	4	2	—	—
<i>Turdus pilaris</i>	—	59	44	—	—
<i>Turdus philomelos</i>	—	15	39	—	—
<i>Turdus merula</i>	—	89	92	—	—
<i>Luscinia luscinia</i>	—	52	27	—	—
<i>Erithacus rubecula</i>	—	7	2	—	—
<i>Phoenicurus phoenicurus</i>	5	55	118	3	2**
Всего:	8	1229	1588	4	5

О б о з н а ч е н и я : Ad – взрослые птицы. Pull – гнездовые птенцы.

П р и м е ч а н и я : * – Факт гнездования этой сойки установлен не был. ** – Одна из этих птиц не была отловлена, вследствие чего история её кольца осталась невыясненной.

Полагаем, что при столь низком проценте возвращающихся на места своего рождения молодых численность этих видов не могла не только постепенно возрастать, как это наблюдалось в период с 1951 по 1954 гг, но даже и оставаться на прежнем уровне (табл. 2). По крайней

мере в случае с большой синицей, горихвосткой и мухоловкой-белойшейкой, почти все гнёзда которых были на учёте, можно уверенно сказать, что увеличение численности этих птиц следует объяснять притоком их со стороны, а отнюдь не успешным пополнением «рядов» за счёт возвратившегося назад потомства местных птиц. Оставшиеся в живых молодые местного происхождения в основном, очевидно, оседали на гнездовье в смежных, а частично и в более отдалённых районах. Иначе, повторяем, становится трудным объяснить ежегодное увеличение числа некольцованных птиц на участке, где проводилось кольцевание местного молодняка.

Таблица 2. Количество гнёзд горихвосток, мухоловок-белошеек и больших синиц, найденных в 1951-1954 гг. в центральных кварталах Савальского лесхоза

Вид	Количество найденных гнёзд			
	1951	1952	1953	1954
<i>Phoenicurus phoenicurus</i>	10	18	20	?
<i>Ficedula albicollis</i>	0	3	9	10
<i>Parus major</i>	5	12	26	59

У преобладающего большинства видов воробьиных «микрораспуляция» в основном пополняется, видимо, не за счёт собственной молодёжи, а за счёт молодёжи, появившейся на свет в смежных районах. Если это действительно так, то и взрослые птицы – второгодки, третьегодки и т.д., составляющие основное «ядро постоянных туземцев», представляют собою сборище особей, произошедших из разных районов.

Если даже допустить, что молодые птицы-первогодки на 50% состоят из птиц, появившихся на свет здесь же, что у большинства лесных певчих птиц, по-видимому, никогда не бывает, то и в данном случае нельзя будет говорить о генетической обособленности «микрораспуляций». Поэтому вряд ли в природе имеет место лишь частичное смешение так называемых «микрораспуляций», позволяющее всё же, как это предполагает Поливанов (1954), говорить об их обособленности. По нашему мнению, в громадном большинстве случаев у лесных певчих птиц постоянно происходит очень сильный обмен особями, приводящий к полному генетическому смешению распуляций, населяющих смежные микрорайоны.

Таким образом, «родиной» птицы в узком смысле этого слова следовало бы считать не тот микрорайон (лесной массив, парк, долина и т.п.), где она появилась на свет, а тот участок местности, на котором она впервые гнездилась, ибо лишь после первого года размножения можно говорить о более или менее строгом её гнездовом консерватизме.

«Родина» в широком смысле у старых и молодых птиц, как правило, конечно, одна, но понимать её нужно значительно шире, чем территория лесного массива, долины и т.п. В данном отношении нельзя не согласиться с Промптовым (1936), полагавшим, что у большинства лесных певчих птиц, гнездовой биотоп которых занимает большие площади, свободно скрещивающиеся популяции относительно велики и что лишь пространственный фактор может создать некоторую генетическую неоднородность у групп особей, обитающих в более удалённых точках ареала. Нельзя отрицать того, что внутри географических форм могут существовать отдельные популяции, имеющие различную историю, отличающиеся путями пролёта к местам зимовок и т.п. Это, однако, не означает, что каждую географическую форму надо обязательно дробить на бесчисленное количество маленьких локальных популяций. Во всяком случае, автор не может согласиться с Майром (1974) в том, что описанные Сиком (Sick 1939) в окрестностях Штуттгарта популяции зябликов, отличающиеся «местным диалектом» так называемого «дождевого сигнала» (*regenruf*), следует рассматривать как генетически обособленные группы особей и что такого рода преграда, как участок железнодорожных построек, могла помешать гибридизации двух популяций зябликов, отдалённых друг от друга всего на 500 м (Майр 1947, с. 101).

Нельзя согласиться также с Фрилингом (Frieling 1937), который считает, что наблюдающиеся иногда у птиц узко локализованные местные напевы могут в дальнейшем привести к изоляции популяций и образованию нового вида. Подобная точка зрения может возникнуть только у того, кто глубоко убеждён в существовании строгого гнездового консерватизма как у старых, так и у молодых птиц. Другое дело, когда речь идёт о вариантах песни разных географических форм. Здесь, возможно, различия в напевах и могут иногда способствовать закреплению изоляции, которая возникает по причине географической разобщённости и может иногда существовать при встрече двух географических форм на одной территории, но в основном в силу действия исторических причин.

Какое же принципиальное значение имеет то, признаём ли мы факт существования «микропопуляций» с вкладыванием в этот термин генетического смысла или мы признаём существование у певчих птиц значительно более крупных популяций?

Признание строгого гнездового консерватизма и существования у птиц генетически обособленных «микропопуляций» может легко привести, с одной стороны, к переоценке значения экологической изоляции в процессе видообразования у птиц и с другой – к недооценке роли экологической пластичности особей в эволюции птиц. Дело в том, что после того, как возвращение дикой перелётной птицы на старые места

гнездования и места своего рождения стало считаться правилом, в орнитологии всё большее значение начали придавать так называемой «экологической изоляции» как одному из основных факторов эволюции, приводящего к образованию внутривидовых биологических групп. Стали, например, считать, что при гнездовании одной части особей в одном биотопе, а другой части в другом биотопе, благодаря существованию у птиц строгого гнездового консерватизма и постоянному стремлению из поколения в поколение гнездиться в одном и том же месте, местная популяция легко может распасться на две практически не скрещивающиеся группы птиц. Обособленность же групп с течением времени может привести к тому, что они будут отличаться по характеру питания, типу гнездостроения, особенностям напева и т.п. Одним словом, было признано, что таким путём возникают биологические группы птиц или «экотипы», которые могут дать начало новым видам. Так, подмосковные зяблики были разбиты Промптовым (1934) на две биологические группы, отличающиеся стадией и характером гнездования; а у зябликов окрестностей Штуттгарта Майр (1947), основываясь на данных Сика (Sick 1939), допускает возможность существования генетически обособленных микропопуляций, отличающихся характером голоса.

Поливанов (1954), объясняя причину обособленности и привязанности членов каждой микропопуляции к определённому гнездовому району приспособленностью к кормовым и гнездовым условиям района их обитания, приводит пример со скворцами, которые в центральной усадьбе Дарвиновского заповедника выкармливают птенцов преимущественно гусеницами, а на затопленных островах – пауками. В данном случае микропопуляция понимается, очевидно, в очень узком смысле слова.

Количество описанных в литературе примеров, приводившихся исследователями для подтверждения факта существования в природе индивидуальной, групповой и микропопуляционной специализации, может быть значительно увеличено. Отметим только, что сейчас мы говорим лишь о тех случаях, когда речь шла не о проявлении географической изменчивости биологических признаков и не об экологической дифференциации встречающихся на одной территории двух географических форм, а о внутривидовой разнообразии «стереотипа поведения» в пределах одного географического района, которое в силу действия правила строгого гнездового консерватизма якобы может привести к изоляции и образованию микропопуляций, отличающихся генетически закреплёнными биологическими особенностями.

Так, например, у обыкновенных горихвосток, гнездящихся в сосновых насаждениях часто на земле (под упавшими ветками), а также в скворечниках или дуплах, следуя примеру сторонников данной точки

зрения, можно было бы различать две экологические группы птиц и предполагать в них возможное начало образования внутривидовых биологических групп. Однако наблюдения за окольцованными птицами показали, что в данном случае имеет место лишь проявление большой экологической пластичности этих птиц, а не индивидуальная, и тем более, не перенимаемая молодыми птицами от старых групповая специализация к условиям гнездования. В подтверждение чрезвычайного непостоянства условий, при которых могут гнездиться одни и те же горихвостки и их потомки, можно привести следующие факты, взятые из практики нашей работы с этими птицами в Савальском лесхозе:

1. Птенец (♀) обыкновенной горихвостки вылетел из гнезда, расположенного на земле и 14 июня 1953 был окольцован И.А.Нейфельдт кольцом № 173528. 9 июня 1953, т.е. в возрасте 2 лет, эта же птица была обнаружена нами на расстоянии 2500 м от места кольцевания, гнездящейся в искусственном гнездовье.

2. В 1953 г. на территории Савальского лесхоза одна пара горихвосток, первоначально поселившаяся в искусственном гнездовье, после разорения гнезда поселилась на 50 м в сторону и построила второе гнездо на земле, под бревном. Это гнездо было также разорено. В третий раз горихвостки снова поселились в искусственном гнездовье. Таким образом, оказалось, что одна и та же птица может строить гнездо и на земле, и в скворечнике.

Наблюдения Хаартмана (1949) за окольцованными цветными кольцами мухоловками-пеструшками показали, что одна и та же птица в течение ряда лет подряд может гнездиться в совершенно разных биотопах. Вряд ли в данных случаях можно говорить о специализации. В очень многих других случаях индивидуальные отклонения от видового стереотипа поведения птиц, по всей видимости, следует объяснять как проявление экологической пластичности, как способность птиц активно отыскивать в зависимости от тех или иных причин наиболее благоприятные для их жизни места. К числу таких примеров можно отнести отмеченные в Савальском лесхозе случаи дуплогнездничества сойки (Ю.К.Эйгелис, устн. сообщ.), гнездование галок *Corvus monedula* в зданиях и, одновременно и в непосредственной близости, в дуплах деревьев – явление, наблюдающееся в различных частях ареала галки; гнездование домовых воробьёв, например, на территории заповедника «Лес на Ворскле», в щелях строений, а в конце лета, при нехватке свободных мест в постройках – в кронах деревьев; гнездование дроздов-белобровиков на земле и на деревьях и т.п. С другой стороны, нельзя и отрицать значения закрепления удачного опыта гнездования в определённых условиях путём возвращения на старые места отдельных птиц. Факты многолетнего гнездования окольцованной птицы в совершенно сходных условиях, иногда буквально в том же самом мес-

те, неоднократно описывались в литературе. Нельзя отрицать и того, что в природе существует не только индивидуальная, но и групповая специализация, обуславливаемая различиями экологических условий отдельных «микротерриторий». Тем не менее, подобного рода специализация обычно не должна препятствовать свободному скрещиванию потомков различно специализированных особей, если только не имеет места значительная территориальная разобщённость (географические формы) или встречи на одной территории двух популяций, географических форм или близких видов, исторически возникших в разных местах. Одним словом, мы не отрицаем понятия «микрораспространения», если только не вкладывать в него генетического смысла.

Биологическое значение свободного скрещивания между особями и их потомками, населяющими смежные «микротерритории», осуществляющегося по причине постоянного и значительного рассеивания молодых птиц и нередко наблюдающегося изменения места гнездования старых птиц, помимо препятствования вредному влиянию инбридинга (Дементьев, Спангенберг 1949) заключается, видимо, также в быстром распространении возникающих у отдельных особей полезных наследственных отклонений, которые скоро разносятся по значительной территории и становятся достоянием многих особей.

Итак, не отрицая фактов существования индивидуальной и групповой специализации в питании и характере гнездования (биотоп, месторасположения гнезда и т.п.) внутри популяций, мы, тем не менее, считаем, что у преобладающего большинства воробьиных птиц подобного рода специализация не может привести к длительной изоляции и образованию генетически обособленных «микрораспространений» или «эко-типов» по причине имеющего место в природе постоянного и интенсивного взаимопроникновения и скрещивания особей и их потомков, населяющих смежные микрорайоны и, в случае экологически пластичных видов, различные биотопы. Вот почему нам кажется, что сторонники теории строгого гнездового консерватизма часто переоценивают значение экологической изоляции в процессе видообразования.

Сказанное вовсе не означает того, что следует вообще отрицать значение экологической изоляции (особенно в условиях горного ландшафта) и возможности существования в одной географической точке двух или, может быть, даже большего количества биологических рас или географических форм одного вида. За исключением, однако, биологических рас птиц – гнездовых паразитов, эволюция которых идёт особым путём, в орнитологической литературе пока что нет убедительных примеров изолированного сосуществования таких биологических групп птиц, которые являлись бы автохтонами одного географического района. Даже у птиц, живущих на океанических островах, явление адаптивной радиации в большинстве случаев объясняют гео-

графической изоляцией (существование на разных островах в различных условиях или неодновременное проникновение одного или разных видов с континента) и последующей встречей экологически разошедшихся форм или видов (Майр 1947; Лэж 1949). Известные в литературе примеры изолированного сосуществования близких форм или видов у континентальных птиц, как это, например, показано в работах Штегмана (1930), Дементьева (1936) и Долгушина (1948), также трактуются как встреча на одной территории двух расселившихся форм, образовавшихся в разных географических условиях и не скрещивающихся между собой по причине экологической дифференциации, обуславливающей возможность дальнейшего расхождения сосуществующих форм.

Литература

- Гладков Н.А. 1949. Полёт, перелёт и географическое распространение птиц // *Изв. АН СССР. Сер. Биол.* 1: 83-98.
- Гржибовский А.Г. 1911. О гнездовьи белобрового дрозда (*Turdus iliacus* Linn.) в окрестностях г. Смоленска // *Орнитол. вестн.* 1: 43-44.
- Дементьев Г.П. 1936. К вопросу о границах основных систематических категорий // *Зоол. журн.* 15, 1: 82-95.
- Дементьев Г.П. 1953. Новые материалы по распространению и биологии майны в Туркмении // *Изв. АН Туркм. ССР* 3.
- Дементьев Г.П., Спангенберг Е.П. 1949. Некоторые экологические проблемы, связанные с заселением птицами ползающих насаждений // *Зоол. журн.* 28, 4: 307-316.
- Долгушин И.А. 1948. Об экологической дифференциации близких форм воробьёв юго-восточного Казахстана // *Охрана природы* 5: 130-136.
- Дубинин Н.П. 1953. Птицы лесов нижней части долины реки Урал. Ч. 1 // *Тр. Ин-та леса АН СССР* 18: 1-127.
- Дубинин Н.П. 1955. О проблемах изменения фауны птиц в лесах юго-восточной части СССР // *Сообщ. Ин-та леса АН СССР* 4: 3-30.
- Иванаускас Т.Л. 1953. Перелёты птиц по Литовской ССР // *Перелёты птиц в Европейской части СССР*. Рига: 35-42.
- Исаков Ю.А. 1954. Биологические основы переселения перелётных птиц // *Привлечение и переселение полезных насекомоядных птиц*. М.: 117-126.
- Исаков Ю.А., Поливанов В.М., Титаева Н.Н. 1953. Опыт переселения лесных насекомоядных птиц // *Преобразование фауны позвоночных нашей страны*. М.: 15-20.
- Кайгородов Д.Н. 1886. Птицы парка Лесного института // *Ежегодн. С.-Петербур. лесн. ин-та* 1: 131-150.
- Кайгородов Д.Н. 1898. Орнитофауна парка Лесного института и изменения, происшедшие в ней за последнее десятилетие (1886-1896 гг.) // *Изв. Лесн. ин-та* 1: 11-30.
- Кайгородов Д.Н. 1908. Орнитофауна парка Лесного института. (За десятилетие 1897-1907 гг.) // *Изв. Лесн. ин-та* 18: 69-84.
- Лихачёв Г.Н. 1955. Мухоловка-пеструшка (*Muscicapa huroleuca* Pall.) и её связь с гнездовой территорией // *Тр. Бюро кольцевания* 8: 123-156.
- Лэж Д. 1949. *Дарвиновы вьюрки*. М.: 1-200.

- Майр Э. 1947. *Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога*. М.: 1-504.
- Мальчевский А.С. 1964. Орнитофауна парка Лесотехнической академии им. С.М.Кирова (г. Ленинград) и её изменения с 1880 по 1950 г. // *Учён. зап. Ленингр. ун-та* **181**: 53-60.
- Михельсон Г.А., Чаун М.Г. 1954. К вопросу о миграциях мухоловки-пеструшки; её привязанность к гнездовой территории и расселение, по данным кольцевания в латвийской ССР // *Тез. докл. 2-й Прибалт. орнитол. конф. по проблеме миграций птиц*. Рига.
- Поливанов В.М. 1954. Наблюдение над формированием и динамикой местных популяций у некоторых перелётных птиц // *Привлечение и переселение полезных насекомоядных птиц*. М.: 107-116.
- Промптов А.Н. 1934. Об экологических факторах изоляции у птиц // *Зоол. журн.* **13**, 4: 616-628.
- Промптов А.Н. 1936. Эколого-генетические факторы эволюционной дивергенции у птиц // *Биол. журн.* **5**, 6: 1001-1010.
- Промптов А.Н., Лукина Е.В. 1937. Изучение оседлости синиц (Paridae, Aves) методом кольцевания // *Зоол. журн.* **16**, 4: 688-699.
- Рустамов А.К. 1946. расселение майны в бассейне Аму-Дарьи // *Природа* **2**: 78-81.
- Станчинский В.В. 1927. Птицы Смоленской губернии // *Науч. изв. Смоленск. ун-та* **4**, 1: 1-217.
- Строков В.В. 1939. Орнитофауна парка Лесотехнической академии им. С.М.Кирова по наблюдениям 1936-1937 гг. // *Сб. науч.-исслед. работ студентов лесотехн. ВУЗов*. М.: 51-59.
- Судиловская А.М. 1952. О расселении домашнего воробья // *Бюл. МОИП*. Нов. сер. Отд. биол. **57**, 5: 33-37.
- Шапошников Л.В. 1949. Об оседлости большой синицы // *Охрана природы* **7**: 41-45 [2-е изд.: Шапошников Л.В. 2002. Об оседлости большой синицы *Parus major* // *Рус. орнитол. журн.* **11** (194): 755-759].
- (Штегман Б.К. 1930) Stegmann B. 1930. Über die Formen der paläarktischen Rotrückten- und Rotschwanzwürger und deren taxonomischen Wert // *Ornithol. Monatsber.* **38**, 4: 106-118.
- Creutz G. 1955. Der Trauerschnäpper (*Muscicapa hypoleuca*). Eine Populationsstudie // *J. Ornithol.* **96**, 3.
- Frieling H. 1937. *Die Stimme der Landschaft*.
- Haartman L. 1949. Der Trauerfliegenschnäpper. I. Ortstreue und Rassenbildung // *Acta zool. fenn.* **56**.
- Lucanus. 1907. Lokale Gesangerscheinungen und Vogeldialekte, ihre Ursachen und Entstehung // *Ornithol. Monatsber.* **7/8**.
- Summers-Smith D. 1954. Colonial behaviour in the house sparrow // *Brith. Birds* **47**, 8.
- Sick H. 1939. Dialektbildung beim Regenruf des Buchfinken // *J. Ornithol.* **87**.

Серая цапля *Ardea cinerea* на Среднем Урале

В.Н.Рыжановский¹⁾, Г.А.Крючков²⁾

¹⁾ Институт экологии растений и животных, Уральское отделение

Российской Академии наук, ул. 8 Марта, д. 202, Екатеринбург, 620219, Россия

²⁾ Посёлок Нейво-Рудянка, Свердловская область, Россия.

Поступила в редакцию 10 декабря 2005

Серая цапля *Ardea cinerea* – заметная и весьма неосторожная птица. По этой причине изменения границ ареала этого вида могут быть прослежены с большой точностью.

В середине 1960-х годов в Предуралье серые цапли были довольно обычны в долине Камы южнее устья Вишеры (Данилов 1969). В настоящее время там существуют колонии, рассчитывающие до 150 гнёзд (Шепель и др. 1998), но о расширении ареала к северу сведений нет. На территорию Печоро-Илычского заповедника серые цапли только залетают, в последние годы – регулярно (Нейфельдт, Теплов 2000). В Зауралье серые цапли гнездились в долинах рек Тобол и Иртыш до 60-й параллели (Данилов 1969). В настоящее время они гнездятся в Курганской области (Тарасов и др. 2004), в окрестностях Тюмени (Граждан 1998) и в Припышминских борах (Жуков 2004), т.е. граница ареала, возможно, сместилась к югу.

Для Южного Урала серая цапля – обычный гнездящийся вид (Коровин 2004). На Среднем Урале, в пределах нынешней Свердловской области, в середине XIX века Л.П.Сабанеев (1874 – цит. по: Данилов 1969) нашёл серую цаплю обычной южнее Екатеринбурга и считал её гнездящейся на реке Сосьве (250 км севернее Екатеринбурга).

В середине XX века серые цапли в пределах Свердловской области не гнездились, сведения о гнездовании на Сосьве Н.Н.Данилов (1969) считал ошибочными. В 1970-е серая цапля найдена на гнездовании в 60 км севернее Екатеринбурга, в районе г. Верхний Тагил (Пискунов 1995), а в начале 1990-х эти птицы из категории малочисленных перешли в категорию обычных, несомненно, гнездящихся на юго-западе области, в районе Красноуфимска (Зеленцов 1995). В 2002 году в пределах Свердловской области нашли две гнездовые колонии серых цапель: в Красноуфимском районе (Нефедов 2002) и в районе г. Верхняя Салда, в 120 км севернее Екатеринбурга (Иванов, Погребной 2002). В этот же год цапли начали встречаться в окрестностях пос. Нейво-Рудянка (Кировградский р-н). Видели этих птиц и в последующие годы, а в 2005 г. нашли гнездовую колонию. Увеличивается частота встреч серых цапель в окрестностях Екатеринбурга. В июле 2005 мы видели

этих птиц на Волчихинском водохранилище (25 км от Екатеринбурга) и в районе пос. Шувакиш (8 км о Екатеринбурга). Несомненно, вид расширяет ареал вдоль Уральского хребта в северном направлении, но до широты устья Вишеры, как в Предуралье, и до широты Сосьвы он ещё не дошёл. Нет новых подтверждений гнездования цапель в Зауралье севернее 58-й параллели, т.е. расширение ареала имеет локальный характер.

Посёлок Нейво-Рудянка, где расположена последняя из найденных в Свердловской области колоний серых цапель, находится на восточном склоне Уральского хребта, в 70 км севернее Екатеринбурга и в 15 км от г. Верхний Тагил – места первой регистрации гнездования вида в области. Посёлок окружён множеством водоёмов – искусственных (пруды, золотоискательские разрезы) и природных (река, озёра). Первые наблюдения летящих над посёлком цапель относятся к 2002 году, но возможно, что цапли гнездились в нашем районе и в 2001 году. В 2005 году была найдена колония. Располагалась она на участке сосново-елово-берёзового с густым подростом леса на краю посёлка, в 500 м от ближайшего дома. По соседству с колонией находится система заросших, вековой давности, золотоискательских разрезов. Окрестности колонии летом регулярно посещают рыбаки и отдыхающие, недалеко находятся огороды. Однако подходы к колонии заболочены и следов посещения её людьми нет.

Все гнёзда серых цапель построены на соснах *Pinus sylvestris* высотой 12-14 м в 2-3 м от вершин, на боковых ветвях. На участке диаметром менее 50 м мы насчитали 28 сосен с гнездовыми постройками. Большинство из гнёзд занималось не менее двух лет. Гнездо, упавшее в конце лета, состояло из трёх сезонных слоёв веток. Каждый слой был толщиной 20-30 см. Некоторые гнездовые постройки были явно четырёхлетнего возраста. На одной из сосен находились три гнезда: два рядом, соединённые свежими ветками, третье – метром выше. Поскольку все они были испачканы помётом, можно предполагать гнездование на одном дереве двух пар. Другие гнёзда располагались в 5-10 м друг от друга.

Во время первого посещения колонии, 15 июня 2005, часть птенцов уже вылупилась, т.к. под гнёздами валялась скорлупа. Через месяц, 12 июля, некоторые птенцы достигли величины взрослой птицы. Снижение количества прилётов взрослых птиц в колонию началось после 20 июля, вероятно, в связи с вылетом первых молодых. 29 июля в колонии оставалось не более четырёх выводков; 6 августа колония опустела.

При первом посещении колонии под одним из гнёзд найдены скелеты двух взрослых птиц со свежими остатками тканей. Тела птиц были расклёваны сороками *Pica pica*, но причины гибели, возможно,

следует искать во внутриколониальных отношениях цапель. Других случаев гибели кладок и птенцов не отмечено.

Литература

- Граждан К.В. 1998. Птицы Тюмени и Тюменского района // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 47-55.
- Данилов Н.Н. 1969. *Птицы Среднего и Северного Урала*. Свердловск: 1-123.
- Жуков А.К. 2004. Орнитофауна национального парка «Припышминские боры» // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 89-95.
- Зеленцов Л.С. 1995. Некоторые орнитологические находки в окрестностях Красноуфимска (Свердловская область) // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 28-29.
- Иванов С.А., Погребной И.П. 2002. К фауне птиц окрестностей Верхней Салды // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 129-131.
- Коровин В.А. 2004. *Птицы в агроландшафтах Урала*. Екатеринбург: 1-504.
- Нейфельдт Н.Д., Теплов В.В. 2000. Птицы юго-восточной части республики Коми // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 132-153.
- Нефедов Н.А. 2002. Гнездовая колония серой цапли на юге Свердловской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 208 [2-е изд.: Нефедов Н.А. 2005. Гнездовая колония серой цапли *Ardea cinerea* на юге Свердловской области // *Рус. орнитол. журн.* 14 (305): 1073].
- Пискунов А.О. 1995. О редких птицах окрестностей Верхнего Тагила и Висимского заповедника // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 62-63.
- Тарасов В.В., Примаков И.В., Поляков В.Е. 2004. Дополнения к орнитофауне северо-востока Курганской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 166-177.
- Шепель А.И., Мусихин А.Э., Рыбкин Э.В., Кунщиков К.П., Чуприянов С.В., Фишер С.В. 1998. Новые находки колониальных птиц в Пермской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 185-186.

О гнездовании чомги *Podiceps cristatus* в Архангельской области

Т.В.Плешак

Северный филиал ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. В.М.Житкова,
проспект Советских Космонавтов, д. 38, Архангельск, 163061, Россия

Поступила в редакцию 25 февраля 2005

Прерванность северной границы ареала чомги *Podiceps cristatus* (Курочкин 1982) указывает на недостаточную изученность распространения вида на севере европейской части России. Позже Н.И.Асоскова (1992) посчитала большую поганку очень редкой гнездящейся птицей Архангельской области без каких-либо фактических оснований. Чомга занесена в Красную книгу области, хотя Т.Ю.Хохлова с соавторами (1999) отнесли её к обычным видам с довольно высокой численностью на водоёмах юго-запада региона.

Ранее (Плешак 1997) мы сообщали о возможном гнездовании чомги в южных районах Архангельской области. 24 августа 2002 на одном из пойменных озёр среднего течения Северной Двины (Виноградовский р-н) охотовед В.В.Широбоков наблюдал выводок чомги из 4-5 особей. Одна из птиц была случайно добыта. Таким образом, факт гнездования большой поганки в Архангельской области можно считать установленным.

Интересно отметить, что в этот же день на этом же пойменном озере была отстреляна лысуха *Fulica atra*.

Литература

- Асоскова Н.И. 1992. Птицы Архангельской области: Изученность, современное состояние и проблемы охраны // Зелёная книга Архангельской области. Архангельск: 59-82.
- Курочкин Е.Н. 1982. Отряд Поганкообразные // Птицы СССР: История изучения. Гагары, Поганки, Трубноносые. М.: 333-351.
- Плешак Т.В. 1997. О находках поганок в Архангельской области // Рус. орнитол. журн. 6 (13): 22.
- Хохлова Т.Ю., Артемьев А.В., Яковлева М.В. 1999. Орнитологические исследования Кенозерского государственного национального парка // Проблемы охраны и изучения природной среды Русского Севера. Архангельск: 146-150.

Гнездование среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius*, черношейной поганки *Podiceps nigricollis* и встречи других редких птиц в Псковской области

Я.Конттиокорпи¹⁾, М.Лэтьенен²⁾

¹⁾ Главный редактор журнала «Ornis karelika». E-mail: jari.konttiokorpi@pp.inet.fi

²⁾ E-mail: mattij@kolumbus.fi

Поступила в редакцию 14 ноября 2005

С 15 по 18 июня 2005 мы совершили несколько орнитологических экскурсий в Псковской области. Несмотря на кратковременность поездки, удалось сделать ряд интересных находок.

16 июня мы посетили окрестности дер. Родовое (Палкинский р-н). В лиственном лесу на берегу реки Вяды (левый приток Великой) буквально сразу обнаружили дупло среднего пёстрого дятла *Dendrocopos medius* с громко кричащими птенцами. Не менее трёх птенцов выглядывали из летка. Оба родителя носили им стрекоз, которых ловили над рекой, как мухоловки. Недалеко от дятлов гнездились зимородки *Alcedo atthis*. Нужно отметить, что в настоящее время средний пёстрый дятел становится всё более обычным в Прибалтике. Например, в Эстонии первая встреча после столетнего отсутствия вида произошла в начале 1990-х, а сейчас там гнездится, по-видимому, несколько десятков пар, в основном в восточных районах страны (WEB-sites of Viron Lintuseura). Вполне вероятно, что по старым лиственным лесам и городским паркам средний пёстрый дятел может проникать вплоть до Санкт-Петербурга и Великого Новгорода. Поэтому очень важно обратить особое внимание на распространение этого вида в северо-западной части России.

Через два дня мы продолжили наши экскурсии в восточной части области, в Бежаницком районе. На небольшом эвтрофном водоёме у дер. Липовец-Завещевский и Залешье мы нашли гнездо черношейной поганки *Podiceps nigricollis*. Одна из взрослых птиц находилась в гнезде, в то время как другая плавала рядом с тремя пуховичками на спине. В этом же самом месте наблюдали двух поющих самцов соловьиного сверчка *Locustella luscinioides* и желтоголовую трясогузку *Motacilla citreola* с молодыми. Здесь располагалась гнездовая колония озёрных чаек *Larus ridibundus* примерно из 1000 пар. Над водоёмом также летало около 20 чёрных *Chlidonias niger* и 10 белокрылых крачек *Ch. leucopterus*, но эти птицы, очевидно, здесь не гнездились.

Один из авторов, Я.Конттикорпи, ранее посещал этот водоём вместе с Ю.Путаненом 19 июня 2001. Тогда мы наблюдали следующих птиц: одну красношейную поганку *Podiceps auritus*, двух пастушков *Rallus aquaticus*, одного дупеля *Gallinago media*, 300 пар озёрных чаек, 60 пар чёрных крачек, одну пару белокрылых крачек, одну усатую синицу *Panurus biarmicus* и одного поющего соловьиного сверчка.

Nestings of Middle-spotted Woodpecker *Dendrocopos medius* and Black-necked Grebe *Podiceps nigricollis* in Pskov Oblast, with mention of other rare bird records.

Jari Kontiokorpi, Matti Lötjönen

We made a birdtrip in Pskov Oblast between 15-18 June 2005. Even though we had a very limited time to visit area, we made some good finds.

On June 16. we arrived near Rodove village which is located in west part of Pskov Oblast. The Vjada-river valley with it's deciduous forest looked very interesting and worth of closer look. Only five minutes walking on the river bank and we found a Middle-Spotted Woodpecker hole with some noisy nestlings in there. At least three individual nestlings were peeping out hole. Both parents were feeding them by Damoiselle dragonflies which they were catched like Flycatchers over the river. In their neighbourhood there was Kingfisher *Alcedo atthis* nesting also. Middle-Spotted Woodpecker has rapidly became more common in Baltic States. For example in Estonia first records were made after one hundred years in beginning of 1990's. By now the population in Estonia is probably several dozens breeding pairs. Records have been done mainly in east part of Estonia (WEB-sites of Viron Lintuseura). Old deciduous forests and town parks offer good possibilities for this bird to expand its habitat as far as St. Petersburg or Veliky Novgorod. So it would be important to find out the actual population in Pskov, Leningrad and Novgorod Oblast.

After two days our trip continued in east part of Pskov Oblast. In rather small but quite eutrophic pond in Lipovets – Zaleshje we were found a breeding pair of Black-necked Grebe *Podiceps nigricollis*. One parent was still hatching in nest while another was swimming around with three nestlings in its back. In this same spot two males of Savi's Warbler *Locustella luscinioides* was singing, Citrine Wagtail *Motacilla citreola* with its youngsters and 1000 pairs of Black-headed Gull *Larus ridibundus* were nesting. Twenty Black Terns *Chlidonias niger*, ten White-winged Tern *C. leucopterus* were only flying over the pond, not any nesting observed right there.

Another author, Jari, visited the pond previously with Jouko Poutanen in June 19. 2001. At that time following birds were observed: one Slavonian Grebe *Podiceps auritus*, two Water Rails *Rallus aquaticus*, one

Great Snipe *Gallinago media*, 300 pairs of Black-headed Gull, 60 pairs of Black Stern, one pair of White-winged Tern, one Bearded Tit *Panurus biarmicus* and one singing Savi's Warbler.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 305: 1073

Гнездовая колония серой цапли *Ardea cinerea* на юге Свердловской области

Н.А.Нефедов

Второе издание. Первая публикация в 2002*

Колония из 12 гнёзд серой цапли *Ardea cinerea* обнаружена в окрестностях пос. Сарана Красноуфимского района Свердловской области (12 км южнее Красноуфимска). В момент обнаружения, 25 июля 2002, все гнёзда были пустые, кроме одного, в котором находилось 2 птенца, внешне похожих на взрослых птиц. Судя по обилию следов помёта на ветвях и на растительности непосредственно под гнездовыми постройками, остальные гнёзда также были обитаемы в текущем году. Большая часть гнёзд (10) располагалась на боковых ветвях старых елей, одно – на сломленной вершине ели и ещё одно – в развилке ветвей берёзы, на высоте от 15 до 25 м от земли. Гнёзда представляли собой сложенные из сухих ветвей и стеблей тростника кучи диаметром 60-80 см и были удалены одно от другого на расстояние от 3 до 7 м. Время от времени к гнёздам подлетали с тревожными криками взрослые птицы, особенно активное беспокойство проявляя у гнезда с птенцами. Вдоль берегов реки Сарана на протяжении 1 км зарегистрировано 28 особей. В конце июля-начале августа серые цапли появились и на реке Уфе.

---

* Нефедов Н.А. 2002. Гнездовая колония серой цапли на юге Свердловской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири.* Екатеринбург: 208.

Сизый голубь *Columba livia* и другие голубиные в Архангельске и его пригородной зоне

В.А.Андреев

Поморский государственный университет,
проспект Ломоносова, д. 4, Архангельск, 163006, Россия. E-mail: vandreev@atnet.ru

Поступила в редакцию 5 декабря 2005

В городе Архангельске (застроенная площадь 130 км², общая – более 290 км²) и в его пригородной зоне встречаются четыре вида голубеобразных: *Columba livia*, *C. palumbus*, *C. oenas* и *Streptopelia turtur*.

Сизый голубь *Columba livia* – гнездящийся оседлый вид, круглый год доминирующий в орнитофауне города и играющий важную роль в формировании орнитокомплексов урбанизированной среды. Заселение сизым голубем городских ландшафтов началось не позже XIX столетия, так как Ф.Вальнёв отмечал его на гнездовании в апреле-мае 1868-1872 годов, а не в начале XX века, как пишут П.Н.Амосов и М.А.Соина (2004). В начале XX века сизый голубь указан для Архангельска в качестве оседлого вида (Чёрный 1904). В 1930-е в Архангельске и окрестностях В.Я.Паровщиков (1941) отмечал его в качестве «довольно редкого гнездящегося зимующего» вида. По данным Н.И.Асосковой и В.М.Константинова (1988), сизый голубь появился в северной тайге 150 лет назад. К концу XX-началу XXI века сизый голубь стал, наряду с серой вороной *Corvus cornix*, домовым воробьём *Passer domesticus* и большой синицей *Parus major*, одним из четырёх самых многочисленных оседлых видов орнитофауны города (Андреев 2002а,б, 2003). Однако до сих пор, несмотря на наличие литературных сведений об обитании этого вида в Архангельске, в некоторых современных определителях и сводках сизый голубь не отмечается на широте Архангельска – 64°30' с.ш. (Котов 1993; Флинт и др. 2000; Jonsson 1992; Peterson *et al.* 1993; Heinzel *et al.* 1995). В настоящее время в Архангельской области сизый голубь гнездится даже в городе Мезени на 65°50' с.ш.

Наблюдения, проводимые нами в Архангельске и его пригородной зоне, позволили оценить численность вида и её динамику, а также изучить некоторые особенности биологии сизого голубя в условиях городской среды на северном пределе ареала. Плотность населения и суммарная численность оценивалась по материалам количественных маршрутных учётов птиц, проводимых круглогодично и ежедневно в течение последних 7 лет. Следует отметить, что в условиях городской среды, застроенной высокими зданиями, мы учитывали птиц в 50-метровой полосе – средней ширине большинства обследуемых улиц.

Динамика среднесезонной и среднегодовой плотности населения сизого голубя в центральной части Архангельска, особей/км²

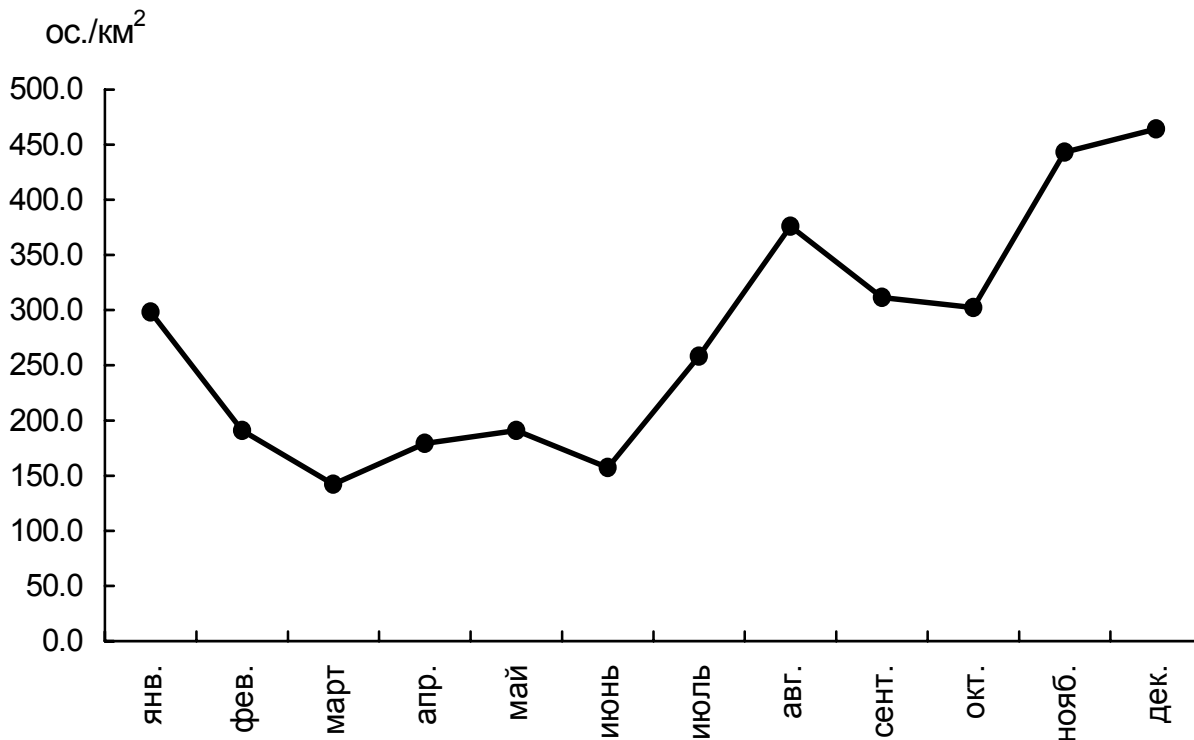
Сезон	Годы								В среднем за сезон
	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	
Зима	126.0	156.5	99.8	139.4	322.9	430.1	475.1	669.2	302.4
Весна	116.7	137.0	111.5	145.0	207.3	261.9	372.0	453,8	225,7
Лето	88.5	158.1	211.7	284.3	228.6	362.4	520.4	548.8	300.4
Осень	138.2	112.5	226.1	284.2	398.9	500.0	700.1	734.8	386,8
В среднем за год*	112.0	144.8	166.0	234.0	305.0	389.3	530.4	564.6	

* – показатель рассчитан не на основании среднесезонных показателей, указанных в таблице, а по среднемесячным значениям за весь год.

Общая протяжённость учётных маршрутов за эти годы составила более 4100 км. Учёты проводились в основном в наиболее застроенной центральной части города, занимающей около 12 км².

За все годы учётов минимальная плотность населения сизого голубя была отмечена в феврале 1998 – 30.8 особей/км², максимальная в октябре 2005 – 847.4 ос./км², т.е. наблюдалась более чем 27-кратная разница. Среднегодовая плотность населения (324.9 ос./км² в среднем за все годы) варьировала от 112.0 (в 1998) до 564.6 ос./км² (в 2005) и за последние семь лет она неуклонно увеличивалась ежегодно в 1.1-1.4 раза и возросла в 5 раз (см. таблицу). В некоторых городах европейской части России численность сизого голубя в 1990-е годы, наоборот снизилась (Зубцовский и др. 1997; Аськеев И., Аськеев О. 1999; Кочанов 1999, 2000; Сотников 2002). Из таблицы видно, что в Архангельске наибольшая плотность населения сизого голубя приходилась обычно на осенне-зимний период. В начале 1980-х плотность населения сизого голубя в Архангельске зимой была, наоборот, в 1.7 раза ниже, чем летом (Асоскова 1983), а его доля от числа всех птиц в гнездовой период составляла 34.8%. Для сравнения можно отметить, что в Сыктывкаре и других городах Коми в 1980-е сизый голубь занимал в населении птиц также 34%. По нашим учётам, доля сизого голубя от всех других видов городской орнитофауны в среднем за год увеличилась с 14% в 1998 до 34% в 2005. В зимний период доля сизого голубя от всех птиц города составляла 15.3-34.3% (в среднем 23.9%), в летний – 21.7-34.5% (в среднем 28.3%). В пересчёте на всю застроенную часть города общее среднегодовое количество сизых голубей в 2000-2005 годах варьировало от 22 до 73 тыс. особей.

На рисунке показана помесечная динамика плотности населения, где каждое среднемесячное значение плотности рассчитано по результатам учётов за все годы. Как видно из рисунка, в течение всего года население сизого голубя изменяется волнообразно. Три пика числен-

Динамика плотности населения сизого голубя в городе Архангельске по месяцам.

ности наблюдаются после вылета молодых из гнёзд: в апреле-мае, июле-августе, ноябре-декабре, а три спада численности соответствуют периоду гнездования, когда насиживающие кладки и кормящие птенцов взрослые птицы становятся менее заметными и не попадают в учёт: в марте, июне, сентябре.

По изменению плотности населения можно установить, что в Архангельске сизый голубь имеет в течение года, как минимум, три выводка. Непосредственные наблюдения за гнездованием подтвердили наличие не двух, как полагают П.Н.Амосов и М.А.Соина (2004), а трёх циклов размножения в году, каждый из которых длится 66-68 сут, начиная от строительства гнезда (без учёта брачных игр и ухаживаний) до вылета молодых. Кстати, в упомянутой статье авторы приводят сведения о плотности населения сизого голубя в июле-августе 2003 г., рассчитанной по результатам маршрутных учётов и составившей 162 ос./км². Это значение оказалось меньше наших оценок плотности населения сизого голубя, полученных в тот же период времени в той же части города, в 2.63 раза. Оно же в 2.23 раза меньше аналогичной оценки для этого же периода года в Архангельске в начале 1980-х – 360.7 ос./км²(Асоскова 1983).

Брачное воркование сизых голубей приходилось наблюдать в течение 9 месяцев: с января по октябрь. Первые птицы со строительным материалом для гнёзд, который они собирали на бесснежных участках земли над теплотрассами, отмечены 9 февраля 2002, 19 февраля 2005,

4 марта 2003. Первые слётки и молодые наблюдались нами начиная с 10 апреля (2004) по 1 мая (2003-2004). Последние молодые в году отмечались в начале ноября.

В условиях Архангельска сизый голубь гнездится исключительно в постройках человека, располагая гнёзда на чердаках и под крышами зданий, а также во всевозможных нишах и проёмах. В 20 из 22 обследованных гнёзд (90.9%) оказалось по 2 яйца, в 2 гнёздах (9.1%) – по 1. Средние размеры 38 яиц $38.9 \pm 0.3 \times 29.8 \pm 0.4$ мм, масса – 18.4 ± 0.2 г. Общая успешность размножения сизого голубя в течение всего года составила 57%, что практически не отличается от таковой в населённых пунктах юго-востока Западной Сибири (Родимцев 2003).

По окраске оперения среди всех городских голубей встречались несколько морф: 1) сизые классической окраски с двумя тёмными полосками на крыльях, 2) тёмно-сизые (чеканные), 3) бурые с различными оттенками и насыщенностью, 4) сизые (чеканные) с разным количеством белых перьев в крыльях, хвосте или на теле, 5) белые с тёмными (сизыми) пятнами или участками оперения, 6) чисто-белые. Доля голубей с классической окраской оперения варьировала от 22 до 60% (в среднем 35.3%), с тёмно-сизой – 18-58% (34.0%), с бурой – 3.6-19.4% (13.3%), с сизой, включающей белые перья – 6.2-35.3% (10.6%), с белой, включающей сизые перья – 2.2-16.2% (4.1%), с чисто-белой – 1.2-9.1% (2.7%). Таким образом, около трети всех городских голубей имеют бурую, белую или другую, в различных комбинациях и сочетаниях, окраску оперения. Полиморфизм окраски сизых голубей отмечен и в других городах (Рожков, Константинов 2003; Салимов 2005).

За все годы наблюдений несколько раз встречались голуби с полностью оперённой цевкой обеих ног, а однажды (1 сентября 2004) встречен голубь с чёрными ногами.

В холодные зимы, характеризующиеся продолжительным периодом (2 недели и более) низких температур (минус 30°C и ниже), до 10% городских голубей имели повреждённые, в основном обмороженные ноги без пальцев («культяпки»). В тёплые зимы голуби с обмороженными ногами практически не встречались.

Принято считать, что сизый голубь – осёдлый вид городской орнитофауны. Однако 17 мая 2003 во время учёта была встречена особь, окольцованная цветными пластиковыми кольцами. Кольцо зелёного цвета было на левой ноге, голубого – на правой. Так как в нашем регионе и, наверное, в стране такими кольцами и в таком сочетании сизых голубей не кольцуют, то можно предположить, что эта птица помечена в Скандинавии, например в Финляндии, где используют цветные пластиковые кольца. Этот факт может изменить представление об оседлости сизых голубей и одновременно усилить внимание к ним, возможно, совершающим дальние перемещения.

Зимой активность голубей зависит от погоды. В дни с очень низкой температурой, обильным снегопадом и сильным ветром большинство голубей сосредоточивается около подкормочных площадок, устраиваемых людьми. Места зимних скоплений голубей на отдых постоянны в течение нескольких лет. Зимние стаи не бывают крупными и в среднем состоят из 12.8 ± 1.8 особи. Больше 30 птиц в постоянной стае бывает редко. Во время массового гнездования крупные стаи распадаются.

В осенне-зимний период в годы обильного урожая рябины *Sorbus aucuparia* встречались голуби, кормившиеся ягодами на деревьях, склёвывая их с веток. Однако чаще голуби собирали опавшие ягоды под рябинами. В последние годы неоднократно встречались стаи сизых голубей, склёвывающих разбросанные (посеянные) семена газонных трав на свежих газонах в центральной части города. После кормёжки голубей газоны приходилось засеивать снова.

В условиях урбанизированного ландшафта на севере ареала к концу XX века сизый голубь стал многочисленным гнездящимся видом, использующим множество антропогенных топических (тёплые чердаки домов и зданий, вентиляционные шахты и т.п.) и трофических (пищевые отходы, кормовые площадки и др.) факторов.

Относительно других видов голубей можно сообщить следующее. 22 июня 1993 в незастроенной части городской территории Архангельска было найдено гнездо обыкновенной горлицы *Streptopelia turtur* с кладкой, расположенное на высоте 1.5 м на небольшой ели. В июне-сентябре 1980-1990-х годов горлица неоднократно регистрировалась в городе и пригородной зоне, но в 2000-е годы пока не отмечалась. В 1990-2000-х годах в трёх различных участках незастроенной части города и пригородной зоны отмечалось брачное воркование вяхиря *Columba palumbus*. Гнёзд найдено не было, но гнездование этого вида вполне возможно. Единственная встреча клинтуха *Columba oenas* в пригородной зоне Архангельска зарегистрирована 12 июня 1989.

Литература

- Амосов П.Н., Соина М.А. 2004. О численности и биологии сизого голубя (*Columba livia* Gmelin) в Архангельске // *Экологические проблемы Севера*. Архангельск, 7:158-159.
- Андреев В.А. 2002а. Позвоночные животные города Архангельска // *Экологические проблемы Севера*. Архангельск, 5: 153-155.
- Андреев В.А. 2002б. Мониторинг орнитофауны урбанизированной среды // *Экология северных территорий: Проблемы, прогноз ситуации, пути развития, решения*. Архангельск, 2: 414-417.
- Андреев В.А. 2003. К орнитофауне города Архангельска // *Животные в городе*. М.: 48-50.

- Асоскова Н.И. 1983. Фауна и население птиц города Архангельска // *Влияние антропогенных факторов на структуру и функционирование биоценозов*. М.: 37-43.
- Асоскова Н.И., Константинов В.М. 1988. Особенности синантропизации и урбанизации птиц северной тайги // *Сезонные перемещения и структура популяций наземных позвоночных животных*. М.: 53-69.
- Аськеев И.В., Аськеев О.В. 1999. *Орнитофауна республики Татарстан*. Казань: 1-124.
- Вальнёв Ф. 1880. Наблюдения г. Вальнёва над прилётом, отлётом и гнездованием птиц в Архангельском уезде за 1858-1872 гг. // *Природа и охота* 4, 11: 1-19.
- Зубцовский Н.Е. и др. 1997. Материалы по орнитофауне Удмуртской республики // *Вест. Удмурт. ун-та* 2: 22-54.
- Котов А.А. 1993. Сизый голубь – *Columba livia* Gmelin, 1789 // *Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, СOVOобразные*. М.: 85-98.
- Кочанов С.К. 1999. *Columba livia* Gmelin, 1789 – Сизый голубь // *Птицы. Нево-робьиные*. СПб., 1, 2: 48-51.
- Кочанов С.К. 2000. *Антропогенный и географический факторы в формировании орнитофауны крупных городов европейского северо-востока России*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Сыктывкар: 1-20.
- Паровщиков В.Я. 1941. Систематический список птиц г. Архангельска и его окрестностей // *Природа и социалистическое хозяйство* 8, 2: 355-366.
- Родимцев А.С. 2003. Успешность размножения сизого голубя *Columba livia* в населённых пунктах юго-востока Западной Сибири // *Рус. орнитол. журн.* 12 (221): 475-479.
- Рожков, П.С., Константинов В.М. 2003. Полиморфизм окраски синантропного сизого голубя *Columba livia* в некоторых городах европейской части России и Белоруссии // *Животные в городе*. М.: 150-151.
- Салимов Р.М. 2005. Полиморфизм окраски сизых голубей г. Челябинска // *Животный мир Южного Урала и Северного Прикаспия*. Оренбург: 184-185.
- Сотников В.Н. 2002. Сизый голубь – *Columba livia* Gmelin, 1789 // *Птицы Кировской области и сопредельных территорий*. Киров, 1, 2: 314-324.
- Флинт В.Е. и др. 2001. *Птицы Европейской России: Полевой определитель*. М.
- Чёрный А.П. 1904. Коллекция птиц Архангельского Городского Публичного Музея // *Каталог Архангельского Городского Публичного музея*. Архангельск: 63-77.
- Jonsson L. 1992. *Birds of Europe with North Africa and Middle East*. London: 304.
- Heinzel H., Fitter R., Parslow J. 1995. *Birds of Britain and Europe with North Africa and Middle East*. London: 196.
- Peterson R.T., Mountfort G., Hollom P.A.D. 1993. *Birds of Britain and Europe*. London: 286.

Пчёлы в весеннем питании большой синицы *Parus major* на алтайских пасеках

Н.Н.Березовиков

Лаборатория орнитологии, Институт зоологии Центра биологических исследований
Министерства образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Академгородок,
Алматы, 480060, Казахстан. E-mail InstZoo@nursat.kz

Поступила в редакцию 4 ноября 2005

Основу весенне-летнего рациона большой синицы *Parus major* составляют пауки, гусеницы, яйца и имаго чешуекрылых, перепончатокрылые, жуки и их личинки, двукрылые, прямокрылые, мелкие клопы и другие насекомые (Птушенко, Иноземцев 1968; Кузьмина 1972; Ивлиев, Соколов 1978; Бардин 1983; Скляренко, Морозов 1987, 1988). Встречаемость среди них пчёл и ос обычно низка (Поспелов 1953).

На северном побережье озера Маркаколь (Южный Алтай) в устье реки Тихушки 24 апреля 1981 на пасеке мной был замечен самец большой синицы с кормом в клюве, перелетевший со стороны пчелиных ульев в соседний куст тальника у родника. При рассмотрении в бинокль выяснилось, что синица расклёвывает принесённую живую пчелу *Apis mellifera*. Завершив трапезу, птица почистила оперение, исполнила короткую песню и вновь перелетела к ближайшему улью. Усевшись близ летка, около которого ползали ещё вялые и малоактивные после зимовки пчёлы, она осмотрелась, схватила одну из пчёл, перелетела на ближайший ивовый куст, несколькими ударами клюва убила её о ветку и, зажав в лапках, стала поедать. В дальнейшем подобные сцены ловли и поедания пчёл повторились ещё не менее пяти раз в течение часа, пока синичка не была напугана пришедшими на пасеку людьми. Здесь же 18 апреля 1982 и 15 апреля 1983 у выставленных пасечниками из омшаников на обтаявшую от снега поляну ульев и колодок я наблюдал больших синиц, которые охотно собирали и расклёвывали мёртвых пчёл. В первом случае это были самец и самка, во втором – самец. Синицы прилетали на пасеку из расположенного в 150-200 м ивово-берёзового перелеска, где они ежегодно гнездились.

Многokrатно посещая маркакольские пасеки летом я ни разу не наблюдал случаев ловли большими синицами активных пчёл. Поэтому можно предположить, что синицы поедают пчёл главным образом в апреле. Вероятнее всего, это связано с недостатком животных кормов в этот период. Говорить о каком-либо значительном ущербе популяциям пчёл вряд ли целесообразно, так как мы располагаем лишь еди-

ничными наблюдениями в одном пункте, хотя в литературе имеется сообщение о вредоносной деятельности больших синиц на алтайских пасеках (Котухов 1958). Опрошенные нами пасечники подтверждали, что им известны факты поедания синицами пчёл, но никто из них не придавал этому явлению серьёзного значения.

Литература

- Бардин А.В. 1983. Семейство Синицы – Paridae // Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 1: 1-504.
- Ивлиев В.Г., Соколов Б.В. 1978. Семейство Синицевые – Paridae // *Птицы Волжско-Камского края. Воробьиные*. М.: 48-66.
- Котухов Ю.А. 1958. Большая синица – враг пчёл // *Пчеловодство* 7: 54-55.
- Кузьмина М.А. 1972. Семейство Синицевые – Paridae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 4: 264-311.
- Поспелов С.М. 1953. О питании и хозяйственном значении синиц, пищухи и малого пёстрого дятла // *Зоол. журн.* 32, 2: 283-287.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий*. М.: 1-461.
- Скляренко С.Л., Морозов В.А. 1987. Состав корма гнездовых птенцов некоторых синиц и пищухи в Джунгарском Алатау // *Орнитология* 22: 105-108.
- Скляренко С.Л., Морозов В.А. 1988. О гнездовой биологии большой синицы (*Parus major*) в Джунгарском Алатау // *Экология и поведение птиц*. М.: 108-117.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2005, Том 14, Экспресс-выпуск 305: 1081-1082

Гнездование певчего дрозда *Turdus philomelos* на Восточном Мурмане

М.В.Мельников^{1,2)}, А.В.Осадчий¹⁾

¹⁾ Кафедра зоологии и экологии, естественно-географический факультет, Липецкий государственный педагогический университет, ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия. E-mail: zoologia@lspu.lipetsk.ru

²⁾ Кандалакшский заповедник, г. Кандалакша, Мурманская область, 184040, Россия

Поступила в редакцию 13 ноября 2005

Исследования проводились в 2005 г. на архипелаге Семь островов (Баренцево море, Восточный Мурман). Для рассматриваемого региона до сих пор были известны четыре вида дроздов: обычный на гнездовании белобровик *Turdus iliacus*, редкие и не ежегодно гнездящиеся рябинник *T. pilaris* и белозобый дрозд *T. torquatus*, а также редкий за-

лётный чёрный дрозд *T. merula* (Бианки и др. 1993). Добытый В.С.Успенским (1941) 25 июля 1937 на острове Харлов птенец, определённый как *T. versivorus*, вероятнее всего, был в действительности рябинником.

При обследовании 11 июня 2005 скалистых участков острова Харлов в бухте Сирены нам удалось найти гнездо певчего дрозда *Turdus philomelos*. Находка произошла в точке с географическими координатами 68°48'50.7" с.ш., 37°19'37.9" в.д.

Гнездо располагалось в щели скалы на высоте 162 см от её подножия. Общая высота щели составляла 280 см, ширина – от 25 до 50 см. Экспозиция гнезда северо-западная. В 70 м севернее места находки находилось несколько жилых домов. Размеры гнезда, см: диаметр гнезда 16, диаметр лотка 11, высота гнезда 10, глубина лотка 6. Расстояние от края щели до гнезда 27 см. Лоток был типичного для певчего дрозда строения и состоял из хорошо утрамбованных злаков и мха. В каркасе преобладал лишайник.

В момент находки птица находилась на гнезде. Дистанция слёта составила 1 м. После оставления гнезда птица никаких признаков беспокойства не проявляла. В момент обнаружения в гнезде находилось 5 слабонасиженных яиц размерами 28.4×21.5, 29.7×22.5, 28.6×22.0, 28.7×22.8 и 28.2×21.9 мм. При повторном осмотре гнезда 14 июня 2005 оказалось, что кладка брошена.

До находки гнезда и позже никакой песенной активности певчих дроздов на острове мы не наблюдали.

Анализ доступных нам литературных источников и Летописи природы Кандалакшского заповедника (1954-2004 гг., Архив заповедника), показал, что описанная находка – это первая регистрация певчего дрозда на архипелаге Семь островов. Этот вид отмечен как редкий гнездящийся для некоторых районов лесотундры Кольского полуострова, а в районе реки Харловки не наблюдался (Михайлов 1993).

Предполагается передать кладку и гнездо в Зоологический музей Московского университета. Есть фотографии гнезда.

Литература

- Бианки В.В., Коханов В.Д., Корякин А.С., Краснов Ю.В., Панева Т.Д., Татаринова И.П., Чемякин Р.Г., Шкляревич Ф.Н., Шутова Е.В. 1993. Птицы Кольско-Беломорского региона // *Рус. орнитол. журн.* 2, 4: 491-586.
- Михайлов К.Е. 1993. Авифауна зональных тундр северной части Кольского полуострова // *Рус. орнитол. журн.* 2, 1: 7-28.
- Успенский В.С. 1941. Птицы заповедника «Семь островов» (Видовой состав и данные учёта авифауны летом 1938 г.) // *Тр. заповедника «Семь островов»* 1: 5-46.

Гнездование урагуса *Uragus sibiricus* в окрестностях Ирбита

Г.Н.Бачурин

Второе издание. Первая публикация в 1998*

Предположения о гнездовании урагуса *Uragus sibiricus* в Окрестностях Ирбита (около 180 км к северо-востоку от Екатеринбурга) возникли несколько лет назад на основании встреч птиц с гнездовым материалом весной и выводков в августе. В последние годы этот вид уже довольно обычен. В 1998 году обнаружено 3 гнезда. Два из них найдены в 12 км южнее Ирбита, на заброшенном мелиорированном поле с высоким разнотравьем, купами ивняка, шиповником и участками мелколесья. В первом, найденном 7 июня в кусте ивы на высоте 1.1 м, было 5 свежих яиц. Второе гнездо, на кусте шиповника на высоте 1.4 м, 18 июня содержало полную кладку из 4 свежих яиц. Третье гнездо найдено в пойме реки Ирбит у пос. Зайково. Оно было устроено на тонком берёзовом пенёчке между отросшими побегами на высоте 1.0 м. 10 июля в нём было 4 свежих яйца. Неподалёку держалась ещё одна пара – птицы носили корм с поля в кусты. Найдено несколько прошлогодних гнёзд урагуса. Все гнёзда устроены однотипно, довольно рыхлые, «юрковой» формы, из травы, волокон; в лотке – волокна луба, растительный пух, не во всех – шерсть и немного перьев. Яйца голубые с немногими чёрными пятнышками на тупом конце, некоторые – без пятен. Заметна склонность урагусов формировать некое подобие поселений из нескольких пар.

---

* Бачурин Г.Н. 1998. Гнездование урагуса в окрестностях Ирбита // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Екатеринбург: 12-13.